

## ПОНЯТИЕ РАСШИРИТЕЛЬНОГО И ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Е. Ю. Тихонравов

Юридический институт Сибирского федерального университета  
(г. Красноярск)

Поступила в редакцию 13 ноября 2015 г.

**Аннотация:** в литературе по правоведению предмет исследования настоящей публикации является дискуссионным. Некоторые ученые полагают, что расширительное и ограничительное толкование права составляет интерпретационную деятельность. Другие специалисты утверждают, что оно приводит к созданию новых юридических предписаний. В статье предпринята попытка преодолеть указанное противоречие и выявить верное понимание распространительного и ограничительного толкования права. Более того, в публикации продемонстрировано соотношение расширительной интерпретации юридических правил и аналогии закона. Приведены также примеры обращения зарубежных и отечественных судов к распространительному и ограничительному толкованию права. Подвергнуто критике осуществляемое некоторыми правоведами отождествление упомянутой интерпретации с систематическим толкованием правовых норм.

**Ключевые слова:** распространительное, ограничительное и систематическое толкование права; созидательная юридическая фикция; аналогия закона; пробел в праве.

**Abstract:** contradicting opinions have been expressed concerning the issue of the present paper. Some scholars maintain that extensive and restrictive construction of law lies within the boundaries of interpretation. Others argue that it leads to the creation of new legal rules. The article attempts to resolve this contradiction by determining correct understanding of extensive and restrictive interpretation. Moreover, the relationship between extensive interpretation and analogia legis is demonstrated. Finally, the author challenges the view that identifies extensive and restrictive interpretation with systematic construction of law.

**Key words:** extensive, restrictive and systematic interpretation of law; creative legal fiction; analogia legis; gap in the law.

Расширительное (распространительное) и ограничительное (рестриктивное) толкование права известно юриспруденции давно: к этой интерпретации обращались еще римские юристы.

Опираясь на их работы, В. М. Хвостов описал распространительное толкование права следующим образом: «Если окажется, что автор нормы... придал своей мысли слишком узкую редакцию в словах»<sup>1</sup>, то «область применения нормы приходится расширить за пределы буквальной ее редакции, чтобы осуществить вполне мысль, которую имел в виду ав-

---

<sup>1</sup> Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. М., 1895. С. 15.

тор ее»<sup>2</sup>. Иными словами, юристы «просто должны применять существующую норму к случаям, не отвечающим условиям ее буквальной редакции, но согласным с ее смыслом»<sup>3</sup>.

Ограничительная интерпретация права предполагает иное. По выражению В. М. Хвостова, нередко «римский юрист... указывает на необходимость сузить... область применения нормы сравнительно с слишком широко сформулированной буквальной редакцией ее»<sup>4</sup>. Если же в таком случае «практик-юрист будет строго держаться буквы, которая получена нормой от создавшего ее источника права, и будет принимать во внимание лишь те условия, которые нашли упоминание в тексте нормы, то он будет прилагать ее и к... случаям, которые вовсе не имел в виду законодатель при создании норм»<sup>5</sup>.

Изложенное позволяет понять условие, необходимое для осуществления расширительного и ограничительного толкования права. Речь идет об отсутствии формулирования в юридической норме предписания должного поведения, которое суверен желал в ней закрепить.

В этой ситуации рассматриваемая интерпретация требует от структур государственной власти руководствоваться «действительным смыслом» указанного правила<sup>6</sup>. Сказанное означает, что им надлежит сначала выявить, а затем реализовать на практике предписание должного поведения, которое суверенная власть желала в данной норме воплотить.

Упомянутый «действительный смысл» юридического правила устанавливается путем различных методов толкования права. Причем в научной литературе нет единого мнения, какие именно из них должны применяться для достижения выделенной цели. По идее А. Ф. Черданцева, определению «действительного смысла» юридического правила способны служить все приемы толкования права<sup>7</sup>. Однако Е. В. Васьковский полагал, что грамматический метод является здесь неподходящим<sup>8</sup>.

Выполненное описание исследуемой концепции толкования обнаруживает содержащееся в этой доктрине противоречие. С одной стороны, здесь утверждается, что суверенной власти не удалось сформулировать в юридическом правиле предписание должного поведения, которое она желала в отмеченной норме закрепить, а с другой – постулируется, что упомянутое предписание возможно выявить путем интерпретации действующего права.

Очевидно, что из функционирующих правовых норм невозможно извлечь предписание должного поведения, которое в них суверенной властью не сформулировано.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 100.

<sup>4</sup> Там же. С. 16.

<sup>5</sup> Там же. С. 105.

<sup>6</sup> См.: Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 31, 77; Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 279.

<sup>7</sup> См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 284.

<sup>8</sup> См.: Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 53, 77.

Правда, некоторые правоведы полагали, что «действительный смысл» юридического правила поддается установлению при изучении не только действующего права, но и другого материала. Последний, по словам Е. В. Васьковского, «может быть добыт... из объяснительных записок и мотивов к законам, из протоколов заседаний редакционных комиссий и законодательных учреждений, из сочинений, мемуаров и переписки составителей законов, из исторических и юридических исследований и т.д.»<sup>9</sup>. Данный материал юрист именовал «внешними источниками»<sup>10</sup>.

Приведенные идеи Е. В. Васьковского едва ли верны. В самом деле, суверенная власть формулирует предписания должного поведения общего характера, рассчитанные на многократное применение, исключительно в правовых нормах. Причем эти юридические правила получают свое закрепление и выражение только в определяемых ею формальных источниках права<sup>11</sup>, куда «внешние источники», если использовать терминологию Е. В. Васьковского, не включаются<sup>12</sup>. Иными словами, в упомянутом этим специалистом материале сформулированные сувереном отмеченные предписания должного поведения отсутствуют. Следовательно, выявить их с помощью анализа «внешних источников» нельзя.

Таким образом, предписания должного поведения, формулируемые в результате обращения к распространительному и рестриктивному толкованию права, не укладываются в содержание действующих юридических норм.

Аналогичную по смыслу точку зрения отстаивал С. А. Дробышевский. По его убеждению, расширительное и ограничительное толкование права предоставляет «правоприменителю возможность проводить в жизнь предписания должного поведения, отличающиеся от тех, которые составляют содержание правовых норм»<sup>13</sup>.

Подобный результат для интерпретационной деятельности нехарактерен, поэтому распространительное и рестриктивное толкование права к ней не относится.

Предписания, создаваемые путем изучаемого толкования, нарушают законность. Она, как известно, подразумевает обязанность государства действовать на точном основании правовых норм<sup>14</sup>.

Однако это нарушение законности происходит скрытно. Ведь предписание, вырабатываемое посредством распространительного или рестриктивного толкования правовой нормы, формулируется под видом ее применения. Последнее же постулируется осуществляемым в соответствии с «действительным смыслом» этого юридического правила.

<sup>9</sup> Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 57.

<sup>10</sup> См.: Там же.

<sup>11</sup> См.: Дробышевский С. А., Данцева Т. Н. Формальные источники права. М., 2011. С. 43.

<sup>12</sup> См.: Там же. С. 46.

<sup>13</sup> Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 27.

<sup>14</sup> См.: Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности // Учен. зап. Император. Казан. ун-та. 1898. Кн. 2. С. 63.

Изложенное позволяет прийти к заключению. Расширительное и ограничительное толкование права следует классифицировать в качестве разновидности так называемой созидательной юридической фикции. Она есть «любое суждение, которое скрывает или стремится утаить факт того, что под видом применения в конкретном случае действующей правовой нормы соответствующий государственный орган создает и реализует предписание, не укладывающееся в содержание упомянутого юридического правила»<sup>15</sup>.

С помощью созидательных фикций оказывается решенной важная для государства задача. Деятельность выполняющих функцию правоприменения государственных органов по формулированию не укладывающихся в содержание действующего права предписаний воспринимается населением как законная.

Данное обстоятельство, несомненно, положительно сказывается на эффективности правового регулирования. Во всяком случае здесь исключается следование массой человеческих индивидуумов, подчиненных суверенной власти, примеру должностных лиц, отчасти не считающихся с действующими юридическими правилами<sup>16</sup>.

Применение созидательных фикций расширительного и ограничительного толкования права должно быть подчинено двум правилам. Во-первых, при решении вопроса о необходимости обращения к изучаемой интерпретации следует сравнивать две вещи. Имеются в виду зло и польза от использования указанного толкования. Зло заключается в нарушении законности. Польза состоит в разнообразных благах, достигаемых посредством формулирования предписаний, не укладывающихся в содержание функционирующих правовых норм.

Эти предписания надлежит создавать в случае, когда такая линия поведения приносит государству больше пользы, чем вреда<sup>17</sup>. От их выработки следует отказаться в противоположной ситуации.

Во-вторых, содержание упомянутых предписаний должно определяться исходя из современных целей суверенной власти. Для уяснения отмеченных устремлений требуется обратиться к праву в его формальных источниках, другим правовым актам, политическим документам, научным работам по политологии и юриспруденции, сведениям, распространяемым в средствах массовой информации.

Использование созидательных фикций расширительного и ограничительного толкования права приводит к неодинаковым результатам. Так, предписания, сформулированные с помощью распространительной интерпретации правовых норм, нацелены на регламентацию общественных отношений, которые юридическими правилами не регулируются.

<sup>15</sup> Дробышевский С. А., Тихонравов Е. Ю. Способы восполнения пробелов в праве. М., 2014. С. 23.

<sup>16</sup> См.: Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910. С. 72, 73–74.

<sup>17</sup> См.: Локк Д. Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 356–357.

Как известно, данный результат характерен для всех способов восполнения пробелов в праве<sup>18</sup>, поэтому расширительное толкование правовых норм тоже относится к упомянутым приемам.

Действительно, в качестве такого метода указанная интерпретация санкционируется суверенной властью отдельных государств. Например, в Гражданском кодексе Греции 1940 г. сказано: «В случаях, непредусмотренных статутом, решения судов основываются либо на распространительном толковании юридических правил или статей договора, либо на их применении по аналогии, либо на общих принципах права»<sup>19</sup>.

Отечественная судебная практика тоже причисляла расширительную интерпретацию правовых норм к приемам преодоления юридических лакун. Например, Правительствующий сенат в деле Бронштейна 1897 г. подчеркнул: «Суду не предоставлено право восполнять пробелы в обязательных постановлениях разных общественных учреждений (например, городских дум) путем распространительного их толкования»<sup>20</sup>.

По-видимому, выполняемая последним правовосполнительная функция подтолкнула некоторых правоведов к отождествлению расширительной интерпретации правовых норм с другим способом преодоления юридических лакун. Имеется в виду аналогия закона.

Например, к указанным юристам принадлежала Е. В. Епифанова. По ее мнению, «расширительное толкование можно определить как завуалированную форму реализации аналогии... закона»<sup>21</sup>.

Подобного отождествления придерживался также И. И. Аносов. Об этом свидетельствует заданный им вопрос: «Да и кто, строго говоря, может провести отчетливую границу между аналогией и распространительным толкованием закона?»<sup>22</sup>.

Вряд ли изложенные суждения Е. В. Епифановой и И. И. Аносова соответствуют действительности. В самом деле, аналогия закона, как и расширительная интерпретация правовых норм, является созидательной фикцией, которая служит преодолению юридических лакун<sup>23</sup>. Однако сокрытие создания и реализации правовосполняющего предписания осуществляется этими приемами юриспруденции по-разному. Речь идет о следующем.

Ранее было показано, что предписание, вырабатываемое посредством распространительного толкования правовой нормы, формулируется под

---

<sup>18</sup> См.: Дробышевский С. А., Тихонравов Е. Ю. Указ. соч. С. 66–70.

<sup>19</sup> Cheng B. *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. N. Y., 2006. P. 407.

<sup>20</sup> Дубровин Ф. П. О размерах допустимости аналогии при применении уголовного закона (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 6. С. 28.

<sup>21</sup> Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве : история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 116.

<sup>22</sup> Аносов И. И. Заметки к вопросу о применении аналогии в уголовном праве // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. 1926. № 5. С. 9.

<sup>23</sup> См.: *Pospisil L. J. Anthropology of Law : a Comparative Theory*. N. Y., 1971. P. 21–22 ; *Lundmark T. Charting the Divide between Common and Civil Law*. N. Y., 2012. P. 81 ; Дробышевский С. А., Тихонравов Е. Ю. Указ. соч. С. 112–122.

видом ее применения. Последнее же постулируется осуществляемым в соответствии с «действительным смыслом» этого юридического правила.

При аналогии закона отмеченное утаивание достигается иначе. В деле, возникшем по поводу пробела в праве, формулирование преобладающего эту лакуну предписания скрывается под видом применения юридического правила, которое регулирует аналогичный случай<sup>24</sup>.

Выявленная разница между аналогией закона и расширительным толкованием правовых норм позволяет сделать вывод. Отождествление этих двух приемов юриспруденции недопустимо.

Результат ограничительного толкования права имеет иной характер. Здесь под видом применения определенного юридического правила скрывается создание предписания, в соответствии с которым упомянутая правовая норма оказывается частично либо полностью неприменимой к общественным отношениям, на регулирование которых она направлена.

Использование расширительного и ограничительного толкования права распространено в судебной практике стран англо-саксонской правовой семьи. Например, рестриктивная интерпретация юридических норм легла в основу решения Верховного суда США по делу *Church of the Holy Trinity v. United States* 1892 г.<sup>25</sup>

Суть тяжбы заключалась в следующем. В 1880 г. в США был принят статут, запрещающий физическим и юридическим лицам «любым способом содействовать или способствовать перемещению либо миграции любого иностранца или иностранцев в США... в соответствии с соглашением или договором... на выполнение работ и оказание услуг любого рода на территории США...». При этом установленный запрет не распространялся на актеров, художников, преподавателей, певцов и домашних работников.

В 1887 г. одна из церквей Нью-Йорка заключила соглашение с английским пастором Варреном. В соответствии с этим договором он переехал в США и возглавил упомянутое религиозное учреждение.

Через некоторое время федеральный обвинитель обратился в Окружной суд южного округа Нью-Йорка. Он потребовал привлечь церковь к ответственности за нарушение статута 1880 г.

Рассматривая дело, суд подчеркнул, что установленный законом запрет распространяется на выполнение работ и оказание услуг именно любого рода. Более того, деятельность Варрена не составляла перечисленные в статуте исключения. Поэтому требование федерального обвинителя было удовлетворено.

Церковь опротестовала принятое решение в Верховном суде США. Он признал, что случай охватывается «буквой» статута 1880 г., а доводы Окружного суда южного округа Нью-Йорка «очень убедительны». Тем не менее решение последнего было отменено. При этом Верховный суд США использовал следующую аргументацию.

<sup>24</sup> См.: *Дробышевский С. А., Тихонравов Е. Ю.* Указ. соч. С. 112–115; 118–122.

<sup>25</sup> См.: *Church of the Holy Trinity v. United States*, 143 U.S. 457, 459 (1892). Retrieved from. URL: <http://supreme.justia.com/us/143/457/case.html>

«Является известным принципом, что случай может подпадать под букву статута и все же лежать вне этого акта, ибо указанная ситуация не охватывается ни духом закона, ни намерением его авторов... в сборниках судебных решений полно дел, иллюстрирующих применение данного правила. Это не есть замещение воли законодателя волей судьи, так как часто в статуте используются слова общего значения, слова достаточно широкие, чтобы охватить анализируемый вопрос, тем не менее, изучение всего законодательства, условий, сопутствующих принятию статута, или абсурдные результаты, которые следуют из придания словам столь широкого значения, показывают, что безрассудно полагать, будто легислатура намеревалась включить рассматриваемую ситуацию в сферу действия статута».

Исходя из цитированных рассуждений, Верховный суд США приступил к выявлению цели, достижение которой преследовал закон 1880 г. Здесь прежде всего было установлено, что образовавшийся в США до принятия этого акта приток неквалифицированной, дешевой рабочей силы из-за рубежа привел к ухудшению уровня жизни американских граждан, занятых физическим трудом.

Затем Верховный суд США исследовал законодательную историю статута 1880 г. Из доклада комитета Палаты представителей следовало, что данный закон задумывался в качестве меры против наплыва в США иммигрантов, готовых за бесценок выполнять неквалифицированный физический труд.

Члены же комитета по образованию и труду Сената в своем докладе отметили, что они сформулировали бы иначе текст обсуждаемого билля. Речь идет о замене выражения «работы и услуги» на «физические работы и услуги». Такая поправка, по мнению сотрудников упомянутого комитета, лучше отвечает цели, ради достижения которой задумывался этот закон.

На основании изложенного Верховный суд США пришел к выводу: «Осуществленное [Окружным судом южного округа Нью-Йорка] толкование [статута 1880 г.] не может быть признано верным. Это тот случай, где было обнаружено конкретное зло, ввиду которого легислатура использовала термины общего характера с целью объять все проявления данного зла, а затем неожиданно выяснилось, что употребленная таким образом общая терминология настолько широка, что охватывает ситуации и действия... намеренный запрет которых в законодательном порядке не мог бы произойти. В таких обстоятельствах является обязанностью судов заявить, что, какой бы широкой ни была формулировка статута, деяние, хотя и подпадающее под букву, не обнимается намерением законодательного органа и поэтому не может охватываться самим статутом».

Таким образом, Верховный суд США выработал в данном деле предписание должного поведения, которое суверенная власть в статуте 1880 г. не закрепила. Причем это установление оказалось реализованным под видом применения отмеченного закона.

Интересно отметить, что упомянутое решение Верховного суда США было принято в 1892 г. Но еще годом ранее Конгресс внес поправки в закон 1880 г., согласно которым «священники любых конфессий» дополнили перечень перечисленных в этом статуте исключений<sup>26</sup>.

Аналогичные дела можно обнаружить и в отечественной судебной практике. Например, в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» сказано: «Норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы).

Вместе с тем из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно. В частности, суд может признать, что данный запрет не допускает установления сторонами только условий, ущемляющих охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена.

Так, ч. 4 ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» установлен запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, однако это не означает, что запрещено одностороннее изменение указанного порядка, вследствие которого размер процентов по кредиту уменьшается.

Статья 310 ГК РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности. Цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора. Следовательно, подразумеваемый в ней запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем»<sup>27</sup>.

Как видно из цитированного постановления, Высший Арбитражный Суд РФ посредством ограничительного толкования права сформулировал два предписания, не укладывающихся в содержание действующих юридических правил. Причем одно из них, а именно изложенное в по-

<sup>26</sup> См.: *Manning J. F.* The Absurdity Doctrine. 116 *Harvard Law Review* 2428 (2003).

<sup>27</sup> О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16. URL: [http://arbitr.ru/as/pract/post\\_plenum/106573.html](http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html)



следнем предложении предыдущего абзаца, в 2015 г. получило законодательное закрепление в п. 2 ст. 310 Гражданского кодекса РФ 1994 г.<sup>28</sup>

На расширительном толковании права основывается постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 марта 2012 г. № 14340/11. Это решение было принято в связи с требованием региональной общественной организации «Водно-моторный клуб «Маяк»» отнести ее к потребителям, для которых расчет тарифов на электрическую энергию производится аналогично тарифной группе «население».

В соответствии с п. 27 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утвержденных приказом Федеральной службы по тарифам от 6 августа 2004 г. № 20-э/2, такая возможность устанавливалась лишь для семи категорий потребителей. Клуб «Маяк» ни к одной из них не относился. Поэтому Служба по государственному регулированию цен и тарифов Калининградской области упомянутое требование не исполнила.

Клуб обжаловал отказ службы в судебном порядке. Решением Арбитражного суда Калининградской области его требования были удовлетворены. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд и Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа оставили это решение без изменения.

Рассматривая заявление службы о пересмотре в порядке надзора указанных судебных актов, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ пришел к следующему выводу. «Установив, что вся приобретаемая клубом электрическая энергия используется гражданами – собственниками помещений для хранения лодок и маломерных судов исключительно на коммунально-бытовые нужды, суды при удовлетворении заявленных требований допустили расширительное толкование перечня некоммерческих объединений граждан, приравняваемых к тарифной группе «население». Такое толкование соответствует установленному пунктом 27 Методических указаний общему критерию отнесения потребителей электрической энергии к категории «население», заключающемуся в использовании этой энергии на коммунально-бытовые нужды. Неупоминание в Методических указаниях... объединений граждан – собственников помещений для хранения лодок и маломерных судов (эллингов) в числе некоммерческих объединений граждан, приравненных к категории потребителей «население», не может являться основанием для отказа в отнесении клуба к указанной категории потребителей, если упомянутыми гражданами электрическая энергия используется исключительно для коммунально-бытовых нужд, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности»<sup>29</sup>.

---

<sup>28</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 октября 1994 г. № 51–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

<sup>29</sup> Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 марта 2012 г. № 14340/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, в соответствии с предписанием, выработанным судебными органами путем распространительного толкования права, клуб был приравнен к тарифной группе «население». Причем суды претворили в жизнь это не укладывающееся в содержание действующих правовых норм установление под видом применения п. 27 Методических указаний.

Как демонстрируют представленные иллюстрации, отечественные трибуналы при обращении к расширительной и ограничительной интерпретации права не констатируют, что она вызвана некорректной формулировкой юридических правил. Причиной тому, по-видимому, является то, что эффективность правового регулирования в немалой степени обеспечивается авторитетом суверенной власти, а следовательно, государственным органам необходимо стремиться к тому, чтобы он всегда находился на самом высоком уровне. Если авторитет окажется подорванным при изобличении суверена в неспособности надлежащим образом выполнять свои функции, то подвергнется ущербу и эффективность осуществляемого в государстве правового регулирования.

Отсюда следует, что судебным органам необходимо воздерживаться от констатации ошибочного и неправильного формулирования юридических правил суверенной властью. Соответствующая этому принципу практика российских судов заслуживает одобрения.

Кроме того, она характеризуется еще одной чертой. Нередко отечественные трибуналы заявляют о недопустимости распространительного или ограничительного толкования права. Например, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» сказано: «В соответствии со статьей 63 УК РФ перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит»<sup>30</sup>.

Запрет на рестриктивную интерпретацию юридических правил установил, например, Конституционный Суд РФ. В одном из своих решений он подчеркнул: «Ограничения конституционного права на жилище могут быть установлены в конституционно значимых целях только федеральным законом, но не могут следовать из него по умолчанию или на основании ограничительного толкования его норм»<sup>31</sup>.

Невозможность в приведенных случаях расширительной и рестриктивной интерпретации юридических правил объясняется следующими обстоятельствами. Здесь вред от нарушения законности, который заключается в формулировании предписаний, не укладывающихся в содержание функционирующего права, превышает пользу от их создания.

<sup>30</sup> О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2. URL: <http://www.rg.ru/2007/01/24/nakazaniya-dok.html>

<sup>31</sup> По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой граждан А. С. Епанечникова и Е. Ю. Епанечниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2011 г. № 4–П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В правоведении выработаны и другие теоретические подходы к распространительному и рестриктивному толкованию правовых норм. Так, И. Бентам писал: «В любом из этих двух случаев истолковать так закон – суть изменить его: интерпретация используется здесь в качестве эвфемизма для изменения»<sup>32</sup>. Ведь «расширить старый закон значит фактически создать новый; так же как и ограничить старый закон – частично его отменить»<sup>33</sup>.

Близкие идеи отстаивали некоторые отечественные специалисты. Например, В. К. Ткаченко заявлял, что «как распространительное, так и ограничительное толкования вносят изменения в смысл нормы. Они... корректируют закон. Можно даже сказать, что они позволяют применять закон не в тех случаях или не к тем лицам, которые им предусмотрены»<sup>34</sup>.

Подобного взгляда придерживались С. Мыльников и А. В. Наумов. По их словам, «трудно согласиться с встречающимся в юридической литературе мнением о том, что распространительное (и ограничительное) толкование не вносит никаких изменений в действительный смысл нормы. На наш взгляд, оно корректирует закон»<sup>35</sup>.

Аналогичное заключение сделал Р. Д. Рахунов, изучая расширительную интерпретацию права. По его мнению, такое толкование «есть, в сущности, установление новых норм»<sup>36</sup>.

Представленные воззрения И. Бентама, В. К. Ткаченко, Р. Д. Рахунова, С. Мыльникова и А. В. Наумова обладают двумя недостатками. Прежде всего никто из упомянутых специалистов не сформулировал аргументацию, обосновывающую их цитированные суждения.

Вдобавок созданные путем расширительного и ограничительного толкования права предписания нельзя назвать результатом правотворчества, которые никогда не являются тождественными по сфере действия юридическим правилам.

Действительно, если правовая норма является обязательной для всех ситуаций в государстве, подпадающих под нее, то установление, выработанное посредством рассматриваемой интерпретации, должно быть проведено в жизнь только в деле, по которому вынесено решение. Таким образом, едва ли возможно признать верной трактовку распространительного и рестриктивного толкования права, отстаиваемую И. Бентамом, В. К. Ткаченко, Р. Д. Рахуновым, С. Мыльниковым и А. В. Наумовым.

Иное понимание рассматриваемой интерпретации предложил А. Ф. Черданцев, который допускал «ограничительное и распространи-

---

<sup>32</sup> *Bentham J. Of Laws in General. L., 1970. P. 163.*

<sup>33</sup> *Ibid.*

<sup>34</sup> *Ткаченко В. К. Толкование уголовного закона в практике Пленума Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 80.*

<sup>35</sup> *Мыльников С., Наумов А. В. Пределы судебного толкования уголовного закона // Советская юстиция. 1977. № 11. С. 21.*

<sup>36</sup> *Рахунов Р. Д. Аналогия в советском уголовном процессе // Правоведение. 1971. № 2. С. 75.*

тельное толкование норм, вытекающее из их системности»<sup>37</sup>, когда «законодатель не нарушил правил законодательной техники, четко и правильно сформулировал нормы права»<sup>38</sup>.

По мнению А. Ф. Черданцева, пример распространительного толкования права «дает ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР: «Прекращение дела по основаниям, указанным в пунктах 3 и 4 настоящей статьи, не допускается, если обвиняемый против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке». Здесь, – утверждал А. Ф. Черданцев, – законодатель употребил термин, значение которого уже объема понятия, вытекающего из действительного смысла нормы права. Из систематического способа толкования следует, что указанным правом обладает не только обвиняемый (как это видно из непосредственного понимания статьи), но и подозреваемый, а также законные представители обвиняемого или подозреваемого»<sup>39</sup>.

Такой трактовки расширительной и ограничительной интерпретации юридических норм придерживались также Н. И. Матузов и Ю. А. Гаврилова. Н. И. Матузов заявлял: «В ст. 6 Конституции РФ фиксируется, что российские граждане обладают на ее территории равными правами и несут равные обязанности. А как быть с иностранцами и лицами без гражданства, находящимися на нашей территории? Распространяется ли данная норма на них, обязаны ли они, в частности, соблюдать законы Российской Федерации? Разумеется, да. Следовательно, толкуем данную норму расширительно. Это тем более ясно, если сопоставить ее с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ (систематический способ), в которой записано, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами»<sup>40</sup>.

По словам же Ю. А. Гавриловой, «согласно части 2 статьи 125 Трудового кодекса РФ отзыв работника из отпуска допускается только с его согласия. Однако в силу части 3 этой же статьи не допускается отзыв из отпуска работников в возрасте до 18 лет, беременных женщин и работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Поэтому в названном случае общее положение об отзыве работника из отпуска с его согласия нужно толковать ограничительно. В тексте части 2 статьи 125 Трудового кодекса РФ упоминаются все работники, но во взаимосвязи с частью 3 указанной статьи законодателем, на самом деле, мыслится более узкий их круг за счет текстуального изъятия из общего перечня определенных категорий работников»<sup>41</sup>.

Охарактеризованная практика рассмотрения расширительного и ограничительного толкования права в рамках систематического под-

<sup>37</sup> Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 286.

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 353.

<sup>41</sup> Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 83–84.

верглась критике в научной литературе. Например, по убеждению М. Г. Авдюкова, к распространительной и рестриктивной интерпретации юридических правил «не имеют отношения случаи, когда норма права извлекается из ряда статей одного или нескольких нормативных актов (систематическое и логическое толкование)»<sup>42</sup>.

Приведенный вывод следует признать верным. О его правильности свидетельствуют следующие аргументы, которые, правда, М. Г. Авдюков в цитированной работе не изложил.

Иллюстрации, которые А. Ф. Черданцев, Н. И. Матузов и Ю. А. Гаврилова представили в качестве примеров расширительного и ограничительного толкования права, предполагают вполне определенное понимание данных видов интерпретации. Суть последнего заключается в объединении в одну логически стройную систему разнообразных суждений, которые уже сформулированы в формальных источниках права.

Очевидно, что в этом случае совпадают объемы традиционных для юриспруденции понятий: распространительного и рестриктивного толкования, с одной стороны, и систематической интерпретации – с другой. Причем все приведенные категории исключают деятельность по формулированию предписаний, не укладывающихся в содержание действующего права.

Однако едва ли целесообразно называть одно и то же явление правового регулирования двумя разными терминами, поскольку многозначность любого из них неизбежно вносит путаницу в науку. Вот почему для именованного объединения в одну логически стройную систему разнообразных суждений, уже изложенных в формальных источниках права, целесообразно использовать только термин «систематический способ толкования».

Что же касается распространительного и рестриктивного видов интерпретации правовой нормы, то этим феноменам следует придать иной смысл. Имеется в виду их понимание в качестве созидательных юридических фикций, отстаиваемое в этой статье.

Таковы основные выводы исследования расширительного и ограничительного толкования права. Некоторые из них, например сформулированное в предыдущем абзаце заключение, обладают научной новизной. Поэтому настоящая публикация способна породить дискуссию, которая внесет вклад в изучение рассматриваемой проблематики.

<sup>42</sup> Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970. С. 29.

*Юридический институт Сибирского  
федерального университета (г. Красно-  
ярск)*

*Тихонравов Е. Ю., кандидат юриди-  
ческой наук, доцент кафедры теории и  
истории государства и права*

*E-mail: tikhonravov@hotmail.com*

*Тел.: 8-391-206-23-52*

*Siberian Federal University School of  
Law (Krasnoyarsk)*

*Tikhonravov E. Yu., Candidate of Legal  
Sciences, Associate Professor of the Theory  
and History of State and Law Department*

*E-mail: tikhonravov@hotmail.com*

*Tel.: 8-391-206-23-52*